

УДК 1(091)

ТОМИЗМ И ВТОРОЙ ВАТИКАНСКИЙ СОБОР

Иеромонах Иоанн (И. П. Булыко)

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», г. Санкт–Петербург

Томизм благодаря энциклике папы Льва XIII в конце XIX в. стал официальной доктриной Римско-Католической Церкви. Фома Аквинский, великий богослов и философ Средневековья имел огромный авторитет благодаря своей четкой и стройной системе, которая была необходима как для уяснения основных положений веры, так и для решения апологетических задач. Однако на Втором Ватиканском Соборе этот великий учитель Церкви остался в стороне. Лишь в некоторых документах были сделаны ссылки на его творения. В данной статье рассматривается атмосфера и обстоятельства Собора и раскрываются те причины, по которым этот великий богослов и философ был не особо популярен.

Второй Ватиканский Собор, созванный по инициативе папы Иоанна XXIII, ставил перед собой скорее пастырские, нежели богословские задачи. Для него было важно сблизить Церковь и светское общество, нужно было показать, что Церковь невраждебна по отношению к внешнему миру, но живет проблемами этого мира. А философия и богословие Фомы Аквинского казались отстраненными от существующей реальности. Нужны были другие средства для выражения вечных истин. Сама философия и богословие Фомы сыграли в Средние века важную роль в деле защиты веры как теоретическая база, но для XX в. нужны были более современные методы и более современные решения проблем. Поэтому можно сказать, что томизм был важным этапом в развитии философии и богословия, однако Второй Ватиканский Собор явился заключительным этапом в развитии томизма как официального учения Римско-Католической Церкви.

***Ключевые слова:** томизм, Второй Ватиканский Собор, обновление, новое богословие, модернизм.*

Томизм, как течение богословия и философии, происходящее от имени Фомы Аквинского, был на протяжении многих веков господствующим и главенствующим в Римско-Католической Церкви. Именно с этим течением связано такое явление, как схоластика, это означает, что вся школьная подготовка священников и богословов в Римско-Католической Церкви основывалась на томизме. И действительно, в философской и богословской системе Фомы Аквинского можно найти ответы на многие вопросы, которые касаются веры и разума. Данная система может служить хорошим подспорьем для человека, который выступает в качестве апологета христианства. Однако при всей своей точности и готовно-

сти дать ответы на все вопросы данная система во время Второго Ватиканского Собора оказалась в стороне и была почти не востребована. Причины этому нам предстоит исследовать в данной статье.

Цель, которую мы ставим, – показать, что Второй Ватиканский Собор был логичным концом для томизма и неотомизма как официального учения Римско-Католической Церкви. Для достижения этой цели ставим для себя следующие задачи: показать ту атмосферу, которая способствовала неприятию томизма на Втором Ватиканском Соборе; привести аргументацию сторонников и противников томизма, а также выявить те причины, которые послужили непризнанию томизма официальным учением на Втором Ватиканском Соборе.

Томизму посвящены многие научные исследования. Среди них можно выделить западные, и отечественные. Среди отечественных исследователей отметим следующих: К.М. Долгов [6], Б.Л. Губман [3–5], А.В. Арапов [1; 2], М.В. Желнов [7], Ю.К. Субботин [9]. Следует также выделить болгарского автора, выступающего с критикой неотомизма, Ради Радева [8]. Из западных авторов назовём следующих: М. Аттридж [11], Ж. Комончак [23], Д. О`Мели [27], П.Д. Мюррей [26], Ж. Маккул [24; 25], Ж. Прувост [29], П. Бретшер [12].

Богословы и историки Римско-Католической Церкви могут заметить глубокое изменение в католическом магистральном учении между концом XIX в. и Вторым Ватиканским Собором в середине XX в. В 1879 г. папа Лев XIII издал энциклику под названием «Aeterni Patris» [10, р. 800]. Папа подвигнул к восстановлению и продвижению христианской философии, особенно схоластического мыслителя Фомы Аквинского. Схоластическая мысль, по мысли папы, есть орудие для защиты католической веры против ухищрений ложной мудрости. Аквинат поможет защитить студентов и общество в целом от чумы превратных мнений. Влияние энциклики было широко распространенным и длилось достаточно долго. Как отмечает Джон О`Мелли, никакие папские высказывания не имели такого успеха в защите курса действия, как эта энциклика [27, р. 62]. Данная энциклика положила начало мощному неотомистскому движению в католицизме. Папа дал рекомендацию Грегорианскому университету в Риме преподавать только помизм и позже заставил другие римские школы сделать то же самое [16, р. 10]. Он создал Понтификальную академию Святого Фомы и организовал публикацию критического издания полного собрания трудов Фомы Аквинского – так называемое «леонинское издание» [10, р. 5].

Это движение, известное как «неотомизм», было ответвлением более широкого неосхоластического движения, которое стремилось возродить средневековое схоластическое богословие и применить его к современным проблемам [28, р. 1260]. Неосхоластика, в своей частной форме XIX в. – томизм, и богословская система, которой она следует, будут ха-

рактизовать официальный католический метод последующие десятилетия XX в. В начале XX в. в ответ на модернистский призыв «назад к Канту» римские богословы часто ещё громче кричали: «Назад к Фоме» [17, р. 165].

Папа Иоанн XXII спустя несколько месяцев после избрания объявил о своем намерении созвать Вселенский Собор – 21-й Собор в истории Церкви. Это был первый Собор через почти век и первый полный Собор через почти 400 лет, потому что Первый Ватиканский Собор закончился досрочно из-за Франко-Прусской войны. 16 месяцев понадобилось для подготовки повестки Собора и еще 28 месяцев для составления первичных документов [14, р. 10].

Собор принял 16 документов. Замечательно, что хотя в XX в. Фома Аквинскому придавали центральное место в официальном богословском католическом методе, но в документах Собора он упоминается только в двух местах [23, р. 5]. Никакого упоминания о нем мы не встречаем в четырех соборных конституциях, которые считаются богословскими, самыми вескими текстами Собора. В каждом случае ссылки встречаются только мельком. В декрете о подготовке священников «*Ortatum totius*» Фома рекомендуется для помощи семинаристам в более глубокое проникновение в тайны спасения, но прежде они должны изучить восточных и западных Святых Отцов. В декларации о христианском образовании «*Gravissimum Educationis*» Фома упоминается как один из знаменитых учителей, среди других, которые учили Церковь важности отношения между верой и разумом. Декларация только рекомендует Фому для того, чтобы узнать чему учит Церковь. Но не совсем обязательно изучать Фому [11, р. 10]. Но что случилось с Фомой на Втором Ватиканском Соборе? Жозеф Комончак пишет: «История современного неотомизма... достигла своего конца на Втором Ватиканском Соборе. И этого никто не ожидал» [23, р. 50].

Два подготовительных текста были составлены между 1960 и 1962 гг. для обсуждения на Соборе, который должен был утвердить преимущество Фомы для католического богословия – первый касался образования семинаристов, а второй – священной науки. Первый под названием «*De sacrorum alumnis formandis*» предлагал двухгодичную программу по философии, чтобы обучать семинаристов как использовать разум для исследования истин о природе вещей и о человеческой жизни, и чтобы обеспечить непосредственную подготовку к изучению теологии [13, р. 100]. Схоластическая философия во всех своих частях должна преподаваться в соответствии с принципами и методами Фомы Аквинского, чтобы студенты постигали полный и логически связанный синтез через упорное и тщательное изучение его главных аргументов, устаревшие и тривиальные вопросы должны опускаться, а более возвышенным вопросам должно уделяться большее время для изучения. Студенты должны подходить критически к современным философским системам, особенно

тем, которые имеют большое влияние в их странах. Четырехгодичная программа по теологии во всех своих частях также должна преподаваться в соответствии с принципами Фомы Аквинского [11, р. 245].

Второй текст комиссии «*De obsequio erga Ecclesiae magisterium in tradendis disciplinis sacris*» имел три главы: «Основные замечания», «Как изучать Священное Писание», «Постижение учения святого Фомы Аквинского». Пять небольших параграфов последней главы говорили о том, что Церковь восприняла учение Фомы Аквинского как свое собственное; что Собор торжественно утверждает этот выбор и повелевает философам и богословам изучать его учение и всем, кто имеет учительную роль, от всей Церкви до отдельного верующего, быть причастным ему; что эти меры не исключают мудрость других католических учителей, но дают руководство и пример для использования источников Фомы и его защиты прав разума; то вселенский авторитет Фомы должен пониматься динамично так, что его метод, принципы и учение дают возможность философам и богословам правильно подойти к новым открытиям и вопросам; что выбор Фомы, утвержденный Собором, касается не только учителей Церкви, но и преподавателей университетов и других школ и должен распространяться на самих верующих, особенно на тех, на кого возложены апостольские функции. Метод Фомы есть схоластический метод, т. е. строго аргументированные или силлогистические формы, и это не есть всеобщее утверждение схоластики, но только той, которая основывается на своих принципах [21, р. 350]. Его учение было столь авторитетно, что Церковь одобряет учение других учителей или святых только до той степени, до которой они согласны с принципами Фомы, или до той степени, до которой они не противостоят ему. Его принципы воспринимаются не просто как мнения, но как основа для исследования, отдаляясь от которой, особенно в метафизике, можно нанести только вред [22, р. 357]. Эти принципы были выражены в знаменитых «Двадцати тезисах». Подготовительная комиссия предложила отредактировать данные тезисы, расширив их до областей этики, естественного права, экономики, политики, и привести подобный список принципов для спекулятивной и практической теологии.

Выдвигались следующие томистские принципы в философии: способность человеческого разума познавать истину, эпистемологические и метафизические первые принципы (противоречие, тотальность, исключенное среднее, причинность и конечность), способность естественного разума доказывать существование и свойства Сущности Бога, Творца и последние судьбы мира и основы морали в первых принципах естественного закона [16, р. 140]. Основные богословские принципы касались источников Откровения, эпистемологии веры, авторитета папы и отношения природы и благодати. Эта глава о Фоме отражала вопросы, которые его главный автор, отец Корнелиус Фабро, автор важных трудов по учению Фомы и профессор философского факультета Латеранского

университета, выразил в своих предложениях для повестки Собора. Его предложения отражали проблемы католических школ XIX в., связанные с принципом имманентности, которые привели к противоположным направлениям фидеистического иррационализма и абсолютному рационализму, предшественником которых был Кант. Папы ответили на эти опасности негативно, осудив заблуждения и призвав католических мыслителей следовать учению Фомы Аквинского. Фабро просит утвердить принципы Фомы, так как католики опять в той же опасности. Опять происходит «смещение языков», особенно среди культурных мирян и молодых священников, которые делают выбор в пользу новых веяний и не знают или отвергают трезвый путь томистской метафизики. Опасность реальная. В жизни Церкви в настоящее время можно видеть перепутье двух путей: один для клириков в семинарии, где требуется изучать томизм; другой для мирян, которым часто позволено следовать принципу и методу имманентности [24, р. 150].

Ситуация почти такая же, с которой столкнулся Первый Ватиканский Собор: «...то же самое широкое приятие принципа и метода имманентности; то же самое отрицание ценности и способности естественного разума; то же самое отрицание гармонии веры и разума; почти те же самые иррациональные и рациональные тенденции, хотя и под другими именами; та же самая борьба и открытое противление томистскому учению. Фабро предложил, во-первых, чтобы магистрариум издал другой документ против тех, “кто говорит, что люди, которые начинают из принципов и методов идеализма, могут лучше защитить христианскую истину, нежели это может сделать томистская философия”» [29, р. 250]; во-вторых, чтобы предписание Кодекса было дополнено и расширено до католических университетов и факультетов и всех институтов высшего образования; в-третьих, чтобы «Двадцать тезисов» были восстановлены и далее изучаемы.

Третий документ «О залоге веры», составленный Богословской комиссией, который ясно не утверждал значение Фомы, но действительно использовал метод, характерный для современного неотомизма. «Основные эпистемологические и метафизические принципы, доказательства бытия Божия, творение и эволюция, Откровение и вера – вот что характеризует схоластику, которая преподавалась в семинариях в период до Второго Ватиканского Собора» [25, р. 70]. Была ли тесная связь между документами Комиссии о науке и семинариях и текстом, подготовленным Богословской Комиссией «*De deposito fide pure custodiendo*»? Ранние главы данного документа, которые обсуждают основные эпистемологические и метафизические принципы, доказательства существования Бога, творение и эволюцию, откровения и веры, напоминают типичное введение в философию и теологию, предлагаемое в семинариях в предсоборный период. Подкомиссия, которая подготовила этот документа возглавлялась о. Луиджи Чьяппи, доминиканцем *Magister Sacri Palatii*, который

утверждал, что Второй Ватиканский Собор должен следовать предыдущим соборам в признании авторитета Фомы Аквинского, считая его «свидетелем по преимуществу богословской традиции... и надежным выразителем Церковного учения» [14, р. 501].

Текстом об образовании семинаристов Кардинал Фрингс указал, что развиты другие богословские методы и что он не может понять, почему учение Фомы должно быть предпочтительным по сравнению с другими. Кардинал Делфнер также порекомендовал изменения для того, чтобы внедрить других богословов. Комментарии отца Августина Шепинского показывают экуменическое и межкультурное сознание. Он удивлялся, как этот текст может быть принят восточными католиками, православными, протестантами, Африкой и Азией.

Текст о священном учении также был раскритикован за чрезмерное преувеличение «связующей силы папских рекомендаций» при «игнорировании тех оговорок, на которых настаивали сами папы». Таким образом существует риск внедрения «философии декретами» и значительно ограничить свободу католических богословов [17, р. 353]. Третий текст «О залоге веры», который прямо не говорит о Фоме Аквинском, но отражает по своему стилю и содержанию неотомизм, также подвергся критике. Некоторые члены Центральной комиссии утверждали, что подход самого текста был почти исключительно философский, тогда как Вселенский Собор должен использовать библейские и богословские аргументы. Проблема состояла в том, что его стиль философии был слишком узок: он был бы неубедителен для людей, которые обучались в других школах, и он подходит более для философии [18, р. 530]. Данная глава принижает значение всех других учителей Церкви, игнорирует традиции христианского Востока и сужает церковную традицию до Фомы Аквинского. Томизм непонятен для не-западных культур, и от него нельзя ожидать того, что он может предложить легкое решение современных проблем.

Тексты были разосланы Отцам в разных формах. Неосхоластический язык и метод, который характеризовал многие подготовительные документы, был отвергнут в пользу библейского, литургического и святоотеческого подхода. Комментируя значение изменения, которое произошло в течение открытия сессии в 1962 г., Джузеппе Ружьери называет его «поворотным пунктом, который был решающим для будущего Собора... и для будущего всей Католической Церкви» [30, р. 201]. Это был поворот «от Церкви папы Пия 12, который был все еще враждебен к современности и в этом уважении к наследнику возрождения 19-го века, к Церкви, которая является другом всего человечества, даже детей современного общества, культуры и его истории... Этот поворот не был внезапной вспышкой, но чем-то, чего уже долго желали и ожидали в течение десятилетий после Первой мировой войны» [30, р. 233]. Текст «О залоге веры» никогда не обсуждался отцами Собора. Кое-что из его содержания

будет отражено в конечных документах Собора, но не так, как он появился изначально. Текст об образовании священников отражал взгляды многих. Он рекомендовал более синтезировать и гармонизировать философию и богословие, при этом не упоминая Фому Аквинского. Он говорил о Библии как о душе богословия, побуждал к изучению Отцов и к признанию исторического развития богословия. Фома был упомянут как вспомогательная философия в задачах спекулятивного богословия. Но полная глава о Фоме Аквинском, которая появилась в документе о священном учении, была опущена, что демонстрировало умаление роли, которую отводили Фоме на Соборе [29, p. 123].

Во время соборных дебатов те, кто ратовал за сохранение в преподавании Фомы Аквинского, были в меньшинстве, но их голоса имели вес. Кардиналы Руффини и Браун тепло отозвались о тексте, первый вспомнил о том, что папа также одобрил его, второй сказал, что томистская метафизика была единственной, которую Церковь провозгласила правильной, и что никакая другая философия не была способна установить *praeeambula Fidei*.

Кардинал Руффини настаивал на том, что Фома Аквинский все еще является большим подспорьем для исследования и отвержения новых заблуждений. Он напомнил Отцам Собора о том, что 80 пап рекомендовали Фому Аквинского как *dux studiorum*, последним из которых был папа Павел 6, который сослался на метод, принципы, учение Фомы в Кодексе. Кардинал попросил восстановить эти слова в тексте. Не будет умалять значение других великих учителей то, если настоять на том, чтобы студенты и преподаватели не игнорировали столь великого человека.

Кардинал Лежер не желал даже слышать фразы «вечная философия», которая, как он думал, и двусмысленна из-за больших различий среди схоластичных философий, и противна самой природе философии, которая, как замечает сам Фома, не основывается на авторитете, но на изучении реальности. Было бы большой проблемой внедрить так называемую схоластичную философию в западные регионы. Что касается параграфа о богословии, то Лежер был удовлетворен тем, что она не отложила в сторону учение Фомы и, таким образом, не продвигала неумеренную исключительность. Он предложил, чтобы текст был пересмотрен так, чтобы Фома был показан как учитель и пример для тех, кто изучает богословие. Он имел в виду, чтобы система, или учение Фомы не внедрялась, но вместо этого предлагал принять Фому в качестве примера исследования и креативности, как того, кто привлек науку своего времени на пользу Церкви.

Архиепископ Дино Саффа, секретарь Конгрегации семинарий и университетов, выступил с длинными замечаниями, которые касались главы о Фоме. Он начал с порицания тех, кто полагал, что диалог с со-

временностью требует от Церкви отложить в сторону ее наследие схоластичной философии и богословия в пользу нового языка, адаптированного к новому времени, новым нравам, новой системе философии. Он призвал епископов вспомнить основные принципы, необходимые для того, чтобы различать истину и ложь в том, что представляется новым и способствует истинному прогрессу. На аргумент, что томизм был западным течением и, следовательно, чужд другим культурам, Саффа ответил, что истина не зависит от территории, на которой она открыта, и может передаваться везде. Единственным вопросом является тот, отвечает ли система томизма запросам человеческого разума; если да, то тогда стираются различия между Востоком и Западом. Учение Фомы не только не является камнем преткновения, который разделяет Восток и Запад, но оно составляет общую и необходимую основу для единения тех, кто любит истину.

Архиепископ Дино Саффа говорил, что для того, чтобы защищать веру, Церкви нужна определенная и объективная основательность фундаментальных принципов веры и разума. Учение Фомы не всегда черпает свои заключения из совершенных инструментов и заключений науки, но заимствует свои принципы из обычного опыта, из которого, по правилам разума, оно черпает определенные неизменные метафизические истины. К критике, которую предьявляет Фоме западная мысль, однако она будет незначима для христианского Востока, истина независима от области, в которой она обнаруживается и может быть сообщена где-либо еще [23, р. 110]. Только две небольшие ссылки на Фому выдержали последние редакции.

Аничето Фернандес, генерал Доминиканского ордена, сказал, что учение Фомы должно быть принято именно потому, что оно говорит истину об основных метафизических и богословских принципах и структурах, как это явствует для тех, кто честно ищет и изучает истину естественных и сверхъестественных реалий. Поскольку учение Фомы совместимо с признанием истины где бы то ни было, несправедливо и нелогично заключить, что признание его учения истинным делает Церковь Церковью только одного Фомы. Недостаточно сказать, что Фома дает пример изучения и причастности к его времени, он передает объективно истинное и вечно актуальное учение.

Кардинал Браун еще раз призвал к церковному одобрению мысль Фомы, особенно его метафизику – «мудрость человеческого интеллекта и самого разума, пригодного для всего человеческого рода». Кардинал Оттавиани защищал свой текст Комиссии: «Если первые принципы сами извращаются, тогда разум приходит к концу, вера закончена. Я удивлен, услышав защиту позиции некоторых католиков, которые имеют иные представления о первых принципах; мы пришли к ужасным условиям, когда некоторые католики отрицают демонстративную силу фундаментальных принципов».

Исчезновение упоминаний Фомы Аквинского на Соборе было результатом больших изменений как перед, так и после Собора [19, р. 135]. В документе Собора о подготовке священников рекомендовались интеграция и гармония философии и богословия и очень смутно говорилось о философских дисциплинах и других принципах вечной философии, без особого упоминания Фомы Аквинского. Особые догматические трактаты должны начинаться с Библии, души богословия, а затем нужно изучение Отцов и развитие догматов. Спекулятивные усилия были прилагаться через изучение Фомы, тогда как литургическое и живое измерения догматов и соотношение их с современностью не должны игнорироваться. Умаление роли Фомы в данном тексте утверждается через опущение главы, которая особо была посвящена ему в подготовительном тексте Комиссии.

Сокращая присутствие Фомы на Втором Ватиканском Соборе, по сравнению с тем, как он присутствовал официально в предшествующие десятилетия, Отцы Собора подсознательно руководствовались богословским методом, так как из соборных актов неочевидно, что епископы уверены в том, что их решения могут как-то повлиять методологически. Римский метод, который преобладал в течение века до Второго Ватиканского Собора, был системой, которая «стояла или падала как целое» [30, р. 230]. Габриэль Дэли описывает ее как «систему, которая состоит из некоторых ясно определенных философских оснований вместе с систематической подструктурой, различные элементы которой рассматриваются каждый как необходимая часть целого» [17, р. 350]. Цель системы – «продемонстрировать и защитить объективный порядок Божественных фактов и учений, которые любой правильно мыслящий человек может признать истинными» [16, р. 136]. Многие богословы, преподававшие в римских школах того времени, следовали этой системе. Они были убеждены, что эта твердая и методологически выверенная объективация составляет мощь католицизма, как противостоящая колебаниям и непредсказуемости протестантского субъективизма. Эта система передавалась через римские учебники, написанные по латыни, которые централизовали и стандартизировали и содержание, и способ, которым данный материал преподавался. Эти учебники определяли характер и границы католического богословия в период между двумя Ватиканскими Соборами [17, р. 16]. Богословие было представлено объективным, метод был дедуктивным, а аргументация – апологетической. Не было места для субъективизма – опыта, желания, чувств. Не было также признания того, что на учение Церкви влияет историческое развитие или изменение. На каком-то другом уровне в католической Церкви, хотя и помимо Учительства, все действительно менялось.

Таким образом, Второй Ватиканский Собор положил конец в один миг в истории современному томистскому возрождению. Надежды, выраженные папой Львом XIII, что возврат к Фоме обеспечит католическим

интеллектуалам общее основание, на котором западное общество и культура смогут вернуться к своим христианским корням, были развеяны. Второй Ватиканский Собор способствовал закату томизма, и это связано не столько с философией, сколько с богословием. Главный документ, принятый Собором, *Lumen gentium*, выражает пожелание, чтобы наша вера основывалась больше на Писании, чем на систематическом богословии. Отказ от томизма был обусловлен не влиянием современной философии, но возвратом к Писанию и новыми открытиями Патристики. Другим обстоятельством, способствующим закату томизма, было историческое исследование Средневековья, инициированное энцикликой папы Льва XIII «*Aeterni Patris*». Это изучение приводило к тем результатам, что чем больше изучался жизненный путь Фомы Аквинского, тем труднее было воспринять его идеи. Так, к примеру, замечались трудности, связанные с учением о материи и форме, с доньютоновской теорией движения, с понятиями сущности и природы.

Второй Ватиканский Собор (1962–1965) характеризовался духом радикального обновления [17, р. 550] (итал. *aggiornamento*) католической мысли и жизни. Кардинальная перемена, произошедшая в католическом самосознании в течение относительно короткого периода времени, находит аналогию в событии, произошедшем с апостолом Павлом на пути в Дамаск. Тем не менее эта перемена стала результатом долговременных тектонических процессов, досталась ценой больших усилий, прилагавшихся группой богословов на протяжении десятилетий. Собственно богословским содержанием деятельности Собора было критическое переосмысление господствовавшей на протяжении столетия неотомистской парадигмы в духе плюрализации и деабсолютизации ее богословской методологии.

Богословская традиция не является окаменевшим и охраняемым от посягательств результатом прошедших усилий, неприступным замком, в котором можно укрыться от всех опасностей, но, напротив, — отправной точкой для живого и непрекращающегося диалога. Возвратиться к традиции — не значит найти эликсир от всех болезней, но, напротив, значит обрести дух постоянного поиска и творческого беспокойства. Богословие не дает ответов на все возможные вопросы, но оно предоставляет разнообразные инструменты и примеры, которые недостаточно просто воспроизводить, но следует предпринимать собственное творческое усилие для получения адекватного решения насущных проблем.

Проблема также состояла в несогласии того, что есть томизм. Двадцатый век будет рассматривать разные варианты томизма: томизм Гардейля, Маритена, Руссело и Марешаля, Ранера и Лонергана, Мерсье и Лувенской школы, Гарригу-Лагранжа и Шеню.

В дополнение к историческим, герменевтическим, метафизическим, эпистимологическим различиям среди томистов проблема была в

том, что после модернистского кризиса томизм рассматривался как философия по декрету, как нечто официальное. Тот контекст, в котором развивался неотомизм, был насаждением принципа авторитета, который Ив Конгар описывает как характерный для ответа Церкви на вызовы Реформации, и эпохи Просвещения и политические революции XVIII–XIX вв. [15, р. 130]. Своеобразное прочтение Фомы в Риме внедрялось посредством авторитета. Это привело к определенным беспокойствам для многих значительных фигур XX в., которые представляли неотомизм.

Два основных принципа были характерны для модернизма: история и опыт. Энциклика папы Льва XIII стимулировала усилия выпускать критические издания трудов Фомы Аквинского и других средневековых схоластов, и это была попытка показать исторические реконструкции интеллектуального мира, в котором Фома играл важную роль. Эта попытка показала: во-первых, колоссальные различия в средневековой мысли, которые делали невозможным рассматривать Фому как простого представителя общей философии и богословия; во-вторых, то, что поздние комментаторы мысли Фомы не всегда были верны ему. Неизбежно нарастало напряжение между теми, чей томизм был опосредован великими комментаторами, и теми, кто провозглашал, что открыл реальную мысль Фомы и продвигает её вперед в настоящее. Можно, например, сопоставить позиции Маритена и Жильсона по поводу традиции комментариев и вспомнить сопротивление Гарригу-Лагранжа против исторических исследований.

Противостояние Маритена и Жильсона вызвало меньший резонанс в Риме, чем исследование великого историка Фомы и Средних веков М.-Д. Шеню. Предпочитая подход, близкий к школе Анналов по историографии, делавшей акцент на историческом, политическом, культурном и религиозном аспектах, над которыми работал Аквинат, Шеню был поражен некоторыми чертами усилия Фомы: это была часть социального и интеллектуального движений, инициировавших возрождение XX в.; эти движения учли серьезно и критически проблемы, поставленные вновь открытыми трудами Аристотеля и его арабских комментаторов; они почерпнули свою духовную силу и вдохновение из корней развития в жизни Церкви. Шеню превозносил духовные корни достижений Аквината, его смелость в обращении к интеллектуальным вызовам, его уважение к автономии других наук, его соотнесенность со своим собственным временем. На каждый из этих пунктов Шеню отвечал, что томистская традиция ушла далеко, существует контраст между живым творчеством самого Фомы и теми, кто представляет его сегодня, особенно в Риме. То, что происходит с томистской философией и богословием сейчас, имеет мало общего с методом, вдохновением и мыслью самого Фомы [15, р. 150]. Защитники римского томизма были недовольны.

Как отмечает Поль Мюррей, «неосхоластическое участие в деле защиты и представления католической веры в аристотелевских категориях... проходило в большом напряжении в годы перед Собором» [26, р. 272]. Историческое сознание двигалось в центр богословской рефлексии: «Литургические, патристические и Библейские науки служили для того, чтобы лучше подчеркнуть живое церковное измерение веры и богословия». Появились новые формы томизма. Они стояли среди тех сил, которые окончательно сформировали систему Собора. Они же имеют существенное влияние в критическом размышлении над подходами к богословию в настоящее время в Римско-Католической Церкви.

По мнению Мюррея, «католическое богословие в настоящее время информируется через различные образы богословствования, оформившиеся через близкое соприкосновение с другими течениями в широком пространстве христианской традиции и с одной или более естественными и социальными науками, различными современными способами анализа и практиками и пониманием других традиций веры и с неевропейскими культурными контекстами» [26, р. 280].

Франсис Шюслер Фьоренца задается вопросом, возможно ли в настоящее время говорить о методе [21, р. 75]. В течение десятилетий со времен Собора стало понятным, что акцент на методе принадлежит академическому и научному подходу к богословию. Богословие в настоящее время включает в себя более чем просто метод. Адекватный богословский подход охватывает различные источники, опыты и множество критериев. Он не просто соотносит современные вопросы с вопросами традиции или символами.

После Второй мировой войны опять возникло напряжение из-за полемики по поводу «нового богословия». Более или менее ясно включены были в этот диспут интерпретации антропологии Фомы и верность позднейших комментаторов его мысли о последних судьбах человека, понятие и метод богословия, отношение библейской и святоотеческой мысли и схоластического богословия, адекватность философии и богословия к вопросам современности и ценность, которая приписывается классическим концепциям.

Анри де Любак предложил самозащиту, которая обозначила вопрос верности Фоме: «...я защищаю свободу в приверженности учению Фомы. С другой стороны, я считаю, что очень разрушительной является попытка внедрить философские мысли при помощи авторитета, как вид нового Символа веры. Я также думаю, что вся томистская современная школа достаточно далека от духа Фомы; что те, кто проявляют особое рвение к томизму, не являются самыми законными наследниками великого Доктора; что Фома предлагает нам не только свое учение, но и свой пример, и что одно не может быть понято без другого. Я считаю, что узкий и ограниченный томизм, который главным образом ответствен за нелюбовь к Фоме и к схоластике, является значительным препятствием к реальному знанию католической традиции, а также к действию Церкви в мире в настоящее время. Я подчеркиваю этот последний пункт: учение,

которое закрывает умы и показывает себя антиапостольским, как “безопасное”, как это могут провозглашать, не может быть даже доктринально учащим голосом» [19, р. 269–270]. Эти дебаты были прекращены энцикликой папы Пия XII «*Humani Generis*», в которой папа изложил жесткую критику «нового богословия».

«Новое богословие» в 1930–1940-х гг. посвятило себя методу *ressourcement* – возвращению к истокам, через который оно использовало источники веры, изучая литургию, Библию и святоотеческих авторов. В противоположность римскому спекулятивному подходу, который основывался исключительно на дедукции, представители нового богословия шли по пути как дедукции, так и индукции. Они делали акцент на истории. Как пишет Марчеллино Д’Амброзио, «для них делать богословие означало делать историю» [18, р. 532]. В этом течение «нового богословия» сближалось с Тюбингенской школой и модернизмом.

Католическая школа богословия в Тюбингене в первой половине XIX в. продвигала органичное понимание живой развивающейся традиции. Представители модернизма были заинтересованы в важности субъективизма, человеческого опыта и исторического развития. Против римского интегрального метода Альфред Луази, самый известный представитель модернизма, написал: «Евангелие не вошло в мир как безусловно абсолютное учение, собранное в единую и твердую истину, но как живая вера, конкретная и сложная», которая развивалась в соответствии со своим окружением (цит. по: [29, р. 154]).

В то же время возникают другие движения: литургическое обновление, библейское движение, которое использовало исторический критический анализ Писаний; консолидация греческой и латинской патристической литературы, которая позволила ученым изучить раннехристианские источники; экуменическое движение, которое помогло познать эклезиологическое разнообразие; миссионерское движение и социальное движение епископа фон Кеттлера в Германии, который был озабочен правами человека и плохими рабочими условиями в Европе.

Когда в 1962 г. открылся Второй Ватиканский Собор, многие из подготовительных документов следовали стилю римских учебников. Большое число епископов, присутствовавших на Соборе, – особенно из Германии, Франции, Бельгии и Нидерландов – обучались в римских школах за пределами Рима, которые следовали новому богословию. В течение первой сессии эти епископы отвергли подготовительные документы и следующие три года работали над тем, чтобы разрабатывать новые тексты, укорененные в Священном Писании, пастырские по своему тону, отражающие более современные богословские методы. Наряду с отвержением изначальных документов шел преобладающий богословский метод, для которого неотомизм был главным направлением мысли. Фактически умаление Фомы Аквинского на Втором Ватиканском Соборе было результатом того, что епископы открыли новые пути для развития богословия. Это не было отвержением всего, что относится к томизму, скорее это было влияние системы, с которой частная форма томизма ассоциировалась. Влияние других форм томизма XX в. – подобно трансцендентализму – можно найти в конечных текстах Собора.

Документы, подготовленные Комиссией для изучения и семинарий, повторили и даже преувеличили сильные поддержки Фомы различными римскими авторитетами более 90 лет. Тексты дадут соборное одобрение философской подготовке не только к необходимому богословскому исследованию, но и к достаточно специфичным интерпретациям эпистемологических и метафизических принципов требуемой философии, которая должна была послужить контролирующим критерием и философии, и богословия. Редакция и дополнения к «Двадцати тезисам» расширят ряд философских и богословских принципов и распространят обязательство следовать им, помимо семинарий и богословских факультетов, также и на другие апостольские и образовательные заведения. В свою очередь, вероучительные тексты Богословской комиссии придадут соборный авторитет философским и богословским принципам, чтобы обосновать отвержение энцикликой *Humani Generis* «нового богословия» и ее историко-ориентированных и релятивистских сторонников, среди которых был Анри де Любак, консультант Богословской комиссии [20].

Критика томизма и центральной Подготовительной комиссией, и Собором отражает желание противостоять интерпретации папских директив по поводу философии Фомы, которые отодвигали другие великие фигуры в традиции на второй план и сводили томизм до определенных принципов. Также было ощутимо желание предотвратить или умерить систему контроля над католической интеллектуальной жизнью, которая использовала философию Фомы или ее интерпретацию как почти самодостаточный критерий.

Ив Конгар описал драматическую встречу на Соборе в терминах двух фигур Фомы Аквинского. «С одной стороны, был Фома как символ готовых абстракций и решений, категорий и заключений, сформированных и повторяемых одна за другой. С другой стороны, был Фома как мастер мысли, который помогает нам структурировать ум, мастер чести, строгости и уважения для каждой частички истины, который проводил всю свою жизнь в поиске новых текстов, имея новые переводы, сделанные греками и арабами, вступая в диалог с “еретиками” своего времени, со всеми, кто был внутри и вне Церкви, кто был с ним несогласен» [15, р. 180] Когда ссылок Собора на Фому в текстах или в ссылках было меньше, чем многие могли ожидать, это могло показывать только то, что Фома обеспечил составителей догматических текстов Второго Ватиканского Собора основами и структурой их мысли [15, р. 197]. То, чем завершился Собор, по крайней мере по своему намерению, было идеологически направленным господством одной из многих форм томизма.

По словам Б.Л. Губмана, современного специалиста по неотомизму, «После II Ватиканского собора (1962–65), санкционировавшего курс на “обновление” – “аджорнаменто”, отчетливо обозначилась антропоцентрическая переориентация неотомизма, означавшая ассимиляцию им инструментария и категориальных средств феноменологии, экзистенциальной герменевтики, философской антропологии, персонализма и иных направлений. Вступая в диалог с современным миром, теоретики неотомизма популяризируют свои воззрения в многочисленных книгах и периодических изданиях, выходящих в Европе и США» [5, с. 72].

Говоря о судьбе томизма и неотомизма на Втором Ватиканском Соборе, следует иметь в виду следующее. Второй Ватиканский Собор имел не столько чисто богословский характер, сколько пастырский. Он рассматривал проблемы, которые более приближены к реальной жизни Церкви и народа, в то время как томизм и неотомизм рассматривали порой проблемы, которые были далеки от реальной жизни современности. Томистское и неотомистское течение сыграло свою роль в плане апологетики христианства, отстаивая христианские ценности. Однако данное направление было неспособно ответить на злободневные вопросы современности.

Участники Собора констатировали тот факт, что томизм и неотомизм – не единственное направление, которое могло бы лечь в основу современного богословия. Важно, чтобы это богословие служило для объяснения вечных истин на понятном для людей языке. Поэтому важно было бы обратить внимание на святоотеческую мудрость, на мудрость Священного Писания, а также на литургическое Предание Церкви, поскольку они отражают ту традицию, которая была в основе Древней Церкви. Именно возвращение к истокам смогло бы оживить церковную жизнь.

Конечно же, на Соборе находились и сторонники консервативного взгляда, и для них отказ от томизма как от официальной доктрины Католической Церкви был неким отступлением. Но нужно понимать, что данные представители жили теми представлениями, которые сформировались ещё во времена Первого Ватиканского Собора, когда считалось, что папский авторитет может определить все, можно жить по давно уже определенным парадигмам и практически ни о чем другом не думать. Однако реальная жизнь показала другое: нужно оживлять церковную жизнь, нужно искать сближения с миром, нужно быть более открытым этому миру. И философия, и богословие томизма неспособны к этому живому диалогу, а поэтому логическим завершением томизма и был Второй Ватиканский Собор, который не стал акцентировать внимание на томизме как официальной доктрине Католической Церкви.

Список литературы

1. Арапов А.В. Неотомизм: учеб.-метод. пособие по предмету «Философия». Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2015. 10 с.
2. Арапов А.В. Неосхоластика: история и основные концепции // Вестн. Ворон. гос. ун-та. Сер.: «Философия». 2015. № 3. С. 51–58.
3. Губман Б.Л. Кризис современного неотомизма. Критика неотомистской концепции Ж. Маритена: монография. М.: Высшая школа, 1983. 143 с.
4. Губман Б.Л. Неотомизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд / 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2000–2001. Т. 3. С. 71–72.
5. Губман Б.Л. Неосхоластика // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд / 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2000–2001. Т. 3. С. 70–71.

6. Долгов К.М. Неотомизм // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т.17. С. 1429–1432.
7. Желнов М.В. Критика гносеологии современного неотомизма. М.: Изд-во МГУ, 1971. 360 с.
8. Радев Р. Критика неотомизма: пер. с болг. М.: Прогресс, 1975. 441 с.
9. Субботин Ю.К. Проблема ценности в неотомизме. Критический анализ неотомистской концепции ценности. М.: Мысль, 1980. 125 с.
10. Acta et Documenta Concilio oecumenico Vaticano II apparando. Seriessecunda (praeparatoria), II/II. Typis Polyglottis Vaticanis, 1967. 1300 p.
11. Attridge M. What Happened to Thomas Aquinas at Vatican II? Critical Inquiry // Aquinas at Vatican II. Toronto: Newman Rambler. Vatican II special edition. 2013. № 1. 67 p.
12. Bretscher P.M. Neo-Thomism // Concordia Theological Monthly. 1950. V. XXI, № 4. P. 241–259.
13. Cessario R. A short history of Thomism. Washington: The Catholic University of America Press, 2014. 105 p.
14. Ciappi L. Le attese della teologia de fronte al Concilio Vaticano II // Divinitas. 1961. № 5. P. 501–523.
15. Congar Y. Situation et taches presentes de la theologie. Paris: Cerf, 1967. 270 p.
16. Cordovani M. Per la vitalits della teologia cattolica // Angelicum. 1940. № 17. P. 133–146.
17. Daly G. Transcendence and Immanence. New York: Clarendon Press, 1980. 367 p.
18. D'Ambrosio M. Ressourcement theology, aggiornamento and the hermeneutics of tradition // Communio. 1981. № 18. P. 532–560.
19. De Lubac H. At the Service of the Church. San Francisco: Ignatius Press, 1993. 570 p.
20. De Lubac H. Lettres de M. Etienne Gilson adreeses au P. Henri de Lubac et commentees par celui-ci. Paris: Cerf, 1986. 300 p.
21. Fiorenza F. Sch. Systematic Theology: Roman Catholic Perspectives / ed. Francis Schüssler Fiorenza and John P. Galvin. London: Fortress Press, 2011. 490 p.
22. Fouilloux E. Saint Thomas au XXe siecle: Colloque du centenaire de la «Revue thomiste». Paris: Ed. Saint-Paul, 1994. 353 p.
23. Komonchak J. Thomism and the Second Vatican Council. Fairfield: Sacred Heart University Press, 1998. 120 p.
24. McCool G.A. From Unity to Pluralism: The Internal Evolution of Thomism. NewYork: Fordham University Press, 1989. 230 p.
25. McCool G.A. The Neo Thomists. Milwaukee: Marquette University Press Second edition, reviewed and corrected, 2001. 161 p.
26. Murray P.D. The Modern Theologians: An Introduction to Christian Theology since 1918 / ed. David F. Ford and Rachel Muers. New York: Blackwell, 2005. 870 p.
27. O'Malley J. W. The Long Nineteenth Century. London: Harvard University Press, 2008. 380 p.
28. O'Meara T. Thomism // Encyclopedia of Catholicism / ed. Richard McBrien. London: Harper Collins, 1995. P. 1254–1267.
29. Prouvost G. Thomas d'Aquin et les thomismes: Essai sur l'histoire des thomismes. Paris: Cerf, 1996. 286 p.

30. Ruggieri G. The First Doctrinal Clash // History of Vatican II. V. 2, ed. by Giuseppe Alberigo and Joseph A. Komonchak. Rome: Orbis, 1997. 450 p.

THOMISM AND THE SECOND VATICAN COUNCIL

Hieromonk Ioann (I.P. Bulyko)

Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St.-Peterburg

Thomism became the official doctrine of the Roman Catholic Church due to the encyclical of Pope Leo XIII in the end of the XIX-th century. Thomas Aquinas, a great theologian and philosopher of the Middle Ages, had a great authority due to his clear and ordered system that was necessary both for the comprehension of the truths of faith and for apologetics. However, at the Second Vatican Council this great teacher of the Church remained almost unclaimed. Only in some documents of the Council the references were made to his works. In this article, we examine the atmosphere and the circumstances of the Council and discover the reasons due to which this theologian and philosopher appeared to be unpopular.

The Second Vatican Council, called by Pope John XXIII, put on the agenda more pastoral tasks than theological ones. It was important for the Council to promote more close ties between the Church and the secular society, to show that the Church is not opposed towards the world, but is concerned with its vital problems. The theology and philosophy of Thomas Aquinas looked far removed from the existing reality. The expression of the eternal truths demanded other means for their articulation. The philosophy and theology of Thomas played an important role as a theoretical foundation in defending faith during the Middle Ages, but in the XX-th century, there was a need of more advanced methods and more sound approaches to the religious experience area. Therefore, we can say that the Thomism was an important moment in the development of philosophy and theology, but the Second Vatican Council became the final stage in its development as the official teaching of the Roman Catholic Church.

Keywords: *Thomism, the Second Vatican Council, new theology, renovation, modernism.*

Об авторе:

Иеромонах ИОАНН (БУЛЫКО Иван Петрович) – кандидат богословия, аспирант кафедры теологии и истории религий ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург. E-mail: Bulyko12@gmail.com

Author information:

Hieromonk Ioann (BULYKO Ivan Petrovich) – PhD (Theology), PhD student of the Dept. of Theology and History of Religion, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St.-Peterburg. E-mail: Bulyko12@gmail.com